

детектив – событие

Евгения Михайлова

Длиннее века, короче дня

Евгения Михайлова
Длиннее века, короче дня
Серия «Детектив-событие»
Серия «Частный детектив
Сергей Кольцов»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2874765
Длиннее века, короче дня: Эксмо; М.; 2012
ISBN 978-5-699-54507-0

Аннотация

Жизнь Людмилы превратилась в ад – она разлюбила супруга и не могла больше терпеть его сумасшедшую страсть. Вконец отчаявшаяся женщина обратилась к знахарке за отворотным зельем, и вскоре Алексей умер...

Маша ужасно переживала – она тайно встречается с мужем своей лучшей подруги! Смерть Алексея стала для нее страшным ударом, и Маша поняла: она не успокоится, пока не выяснит, что с ним случилось...

Частный детектив Сергей Кольцов не знал, как помочь этой удивительно красивой женщине, словно сошедшей с полотен Средневековья. Чувствовал только – вокруг Маши творится что-то жуткое и непонятное...

Красота и любовь могут спасти, а могут убить. Каждый по-своему решает, как ему распорядиться этими дарами судьбы...

Содержание

Пролог	5
Часть первая	39
Глава 1	39
Глава 2	46
Глава 3	51
Глава 4	56
Глава 5	60
Глава 6	64
Глава 7	72
Глава 8	77
Глава 9	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Евгения Михайлова

Длиннее века, короче дня

Пролог

Маша стояла в пробке, не раздражаясь, не дергаясь, просто отдыхая. Мозг еще не остыл от рабочих проблем и пока категорически отталкивал мысли о том, что ее может ждать дома. Да что угодно. Но сейчас она едет не домой, а на традиционную встречу бывших одноклассниц, которые остались жить в одном дворе. Правда, это не значит, что они часто видятся. Специально и организованно не видятся... сколько же? Да, наверное, со встречи в прошлом году. А в промежутках – на бегу, случайно столкнутся в магазине у дома, во дворе. Общаются в основном по телефону, но и на это у Маши времени очень мало. Да и желания особого нет. Конечно, если девочки ей звонят с какой-то просьбой, за советом, просто пожаловаться на жизнь, она старается помочь, переживает за них... Но им всем уже за тридцатник. И ни одной из них давно уже не хочется все на свете рассказать подружкам на большой перемене. Маше вообще никому и ничего не хочется рассказывать. Жизнь так сложна, что сил едва хватает на то, чтобы быть честной с собой. Или и на это не хватает. Маша опустила окно, вдохнула нежный и терпкий запах

поздней весны, который даже в центре Москвы истребить невозможно, и вспомнила, какими они были тогда, в школе, в младших и старших классах. Интересно, если бы постороннему человеку показать их школьные фотографии, он бы узнал, кто из них есть кто? Узнать-то, наверное, узнал бы, но загрустил, глядя на взрослых женщин. Куда, мол, деваются веселые девчонки... А Маше кажется, что бывшие одноклассницы не так уж изменились. Лена, Вера, Аля... Лена точно изменилась меньше всех. Постоянно в глазах ожидание то праздника, то ужаса, доверчивость, наивность... Хорошо ли это? Маша пожалала плечами и улыбнулась. Конечно, хорошо. Если бы все взрослые люди сохраняли детскую непосредственность, жизнь была бы намного приятнее. Наконец Маша почувствовала радость от предстоящей встречи, заторопилась, заволновалась, тут и пробка стала рассасываться.

Она, конечно, опоздала. Подруги сидели за накрытым столиком в кафе, похоже, первый тост уже был произнесен. Они весело накинулись на Машу с упреками, Аля заботливо придвинула ей тарелку с салатом, Лена налила шампанского. Собственно, подругами были только Аля и Лена – что-то вроде ведущий и ведомый. Вера всегда была себе на уме. Для Маши главной подругой являлась мама. Только к ней она бежала со своими секретами. Теперь она живет с ними наедине. И это довольно мучительный союз.

Она выпила бокал шампанского и с удовольствием по-

смотрела на оживленные лица бывших одноклассниц. Все-таки они совершенно не изменились по сути. Ленка так же радостно сияет черными очами, восторженно слушает всех. Вера участвует в разговоре, как всегда, немного снисходительно, но видно, что ей тоже хорошо. Аля сдержанно улыбается, практически ничего не ест: она вечно худеет, – говорит тихо, но очень уверенно и значительно. Наверное, она чувствует себя опытнее их всех: у нее одной есть дети. На самом деле толстой среди них можно назвать только Веру, но она спокойно ест за четверых. Аля просто мускулистая, коренастая и широкоплечая, как все спортсменки. Ну, это правильно, что форму держит.

– Маша, – воскликнула Лена, – быстро ешь эти пирожные! Они так быстро исчезают в направлении Веры, что ты рискуешь вообще не узнать, какая это прелесть. Бери «наполеон» и тирамису, я от Верки их салфеткой накрыла.

– Давай, – азартно сказала Маша. – Мне кажется, я с прошлого года не ела пирожных.

– А я их ем каждый день, – авторитетно заявила Вера. – Потому что люблю себя и хочу быть похожей на женщину, а не на дистрофика.

– Тебе это удастся, – кивнула Аля.

– Девочки, – рассмеялась Маша. – Прекрасен наш союз. Союз женщин и дистрофиков. Давайте еще пирожных закажем.

...Они вышли из кафе через пару часов, покрасневшие-

ся, довольные. Все выпили понемногу шампанского, только Вера прилично налегала на коньяк. Но кафе находилось в квартале от дома, так что они спокойно расселись по машинам и через три минуты были во дворе... Все посмотрели на окна своих квартир, сразу заспешили, стали прощаться. Маша увидела беспокойно передвигающийся мужской силуэт за шторами в своем окне, и ее согретое встречей сердце как будто опустилось в острые осколки льда... Встреча с детством закончилась.

Людмила проснулась, посмотрела на светящиеся цифры электронных часов и вздохнула. Самое неподходящее время: четыре утра. Вставать слишком рано, уснуть, что ей давно известно, очень трудно. Сразу же выстроились в очередь события прошедшего дня, вечера, ночи... В принципе все нормально. Когда происходит что-то неприятное, она с ее нервами вообще не может уснуть. «А сейчас все хорошо, – сказала она себе, – все очень даже хорошо. Все здоровы. Зарплату, которую задерживали мужу, позавчера выплатили. Дочка Аня живет у ее мамы, Ирина Ивановна много лет работала учительницей, недавно ушла на пенсию. Уроки с Аней они делают вместе, девочка у бабушки всегда выходит в отличницы».

Людмила после работы заехала к ним, привезла всяких вкусностей, немного посидела, мама ей с собой пирогов дала – так они обычно обменивались. Потом Люда зашла в супер-

маркет у своего дома, выбрала хороший кусок мяса. Дома сразу поставила его тушить, стала убирать квартиру, мельком поглядывая в телевизор. К приходу мужа, конечно, устала. Услышала, как он открывает дверь своими ключами, вышла в прихожую. Он вошел, как обычно, немного нахмутив темные густые брови над неожиданно светлыми глазами, тяжело опустился на стул и сразу стал снимать туфли: у него было сильное плоскостопие, после целого дня на ногах он страдал от боли. Людмила поспешно поставила перед ним тапочки, поймала себя на заискивающей улыбке и на себя же рассердилась. Леша достал из пакета две бутылки любимого пива, прошел на кухню и положил их в морозильник. Он любил ледяное пиво.

– У меня как раз все готово, – сказала Люда. – Я подаю?

– Да, конечно, – кивнул он и направился в ванную.

Когда он вернулся на кухню, Люда уже разложила по тарелкам мясо, поставила салат и высокие стаканы для пива. Она держала в руках газету с телепрограммой.

– Я отметила все интересные передачи. По НТВ, РЕН-ТВ, фильмов тут полно... Вот и в час, и в три...

– Включи пока новости, – сказал муж. – Ночью я кино смотреть точно не буду. Устал, как собака.

Людмила быстро на него посмотрела и отвела взгляд. Как ей хотелось верить в то, что он действительно устал.

За ужином они смотрели новости, перебрасываясь короткими фразами. Потом выбирали передачу, Людмила зава-

рила чай, достала конфеты, поставила вазочку с мамиными пирогами. Леша оттаял, отдохнул. Его светлые глаза стали ярко-голубыми, он вспомнил какой-то смешной случай на своем автодорожном предприятии, где работал менеджером, рассказал очень остроумно, Людмила искренне смеялась. Но... если честно, то не совсем. С ней с недавнего времени беда приключилась. Она разлюбила своего мужа, хотя вышла за него по безумной страсти. Может, и не разлюбила, может, это временное, гормональное, психологическое, психическое, метеорологическое, черт знает, какое отклонение, но постель с ним казнью для нее стала. Люда читалась всякой литературы, наслушалась разных историй от знакомых и подруг об охлаждении супругов... Так случается, вроде бы даже иначе не бывает, потом все проходит так же внезапно, как и пришло. Проблема в том, что у них в этом деле не произошло совпадения. У него охлаждения нет! И он не тот человек, которому женщина может что-то подобное объяснить. Людмила каждый вечер знает: ночью ее ждет или его страсть, или взрыв гнева. Она не может сказать, чего боится больше.

...Это было ужасно. Перед тем как погасить настольную лампу у кровати, Людмила рассказывала мужу о поездке к дочери, смотрела на его лицо с правильными чертами, ямочкой на подбородке и думала о том, что когда-то он казался ей самым красивым человеком на свете. Собственно, все девочки на первом курсе МАДИ сходили по нему с ума. Он

влюбился в нее, Люду. На третьем свидании сказал, что она станет его женой. Она не могла поверить в столь невероятный поворот своей судьбы. Такой парень! Он и учился едва ли не лучше всех... Несколько месяцев пролетели в томлении, угоре, горячечном стремлении друг к другу. Потом была скромная, быстрая свадьба. Вскоре его родители подарили им эту квартиру, через год родилась Анечка... Закончилось студенчество, которое Люда провела, в общем, с ребенком. Не участвовала ни в коллективных поездках на море, ни в вечеринках. Леша тоже не участвовал. Он сразу взял на себя ответственность за семью, как муж и кормилец, искал заработок. Но не пошел после института в частный бизнес. Сказал, что хочет спать спокойно. Его взяли на неплохое место в автодорожное предприятие, он стал, что называется, бюджетником: жили от зарплаты до зарплаты. Люда не нашла работы по специальности, стала сотрудником небольшого журнала с экономическим уклоном... У них была нормальная семья, заботились друг о друге, любили дочь. А потом с Людмилой произошло вот это... Лешу, конечно, беспокоило отсутствие отклика у жены на его страсть, но остановить не могло. Она задыхалась, просто погибала в его объятиях, ей казалось, он готов разорвать ее на части, Люда сжимала зубы, кусала до крови губы... Сегодня ночью она мысленно произнесла страшное слово, которое гнала прочь из головы. Отвращение. Вот что с ней произошло. Какая беда. А это было реальной бедой, поскольку разрушало все, что

объединяет двух людей. Точнее, трех. Если это крушение семьи, Аня тоже пострадает.

О сне речи уже не было. Трех часов – до семи утра – едва хватило, чтобы с разных сторон обдумать проблему. И толку-то. Людмила вспоминала историю их с Лешей любви подробно, по дням. Она ничего не забыла. Она помнит, как таяла в его объятиях, как любила его поцелуи, как поняла, что такое страсть, стала ждать любой возможности испытать ее с ним. Они еще встречались на студенческих вечеринках, коллективных выездах на природу, но им сразу все начинали мешать, они только и думали, как уединиться. И, наконец, свершилось. Вдвоем в своей квартире... Когда это началось? Однажды случилась первая ссора – из-за какой-то бытовой ерунды, – но он сорвался, прокричал какие-то ругательства, хлопнул дверью, и они просидели весь вечер в разных комнатах. Потом была ночь пылкого примирения, утром он был счастлив, а у нее остался какой-то осадок... Потом произошла дикая, на ее взгляд, сцена ревности на свадьбе у друзей. Они ушли раньше всех, он был нетрезв, ударил ее по лицу, когда шли к остановке такси и ругались... Оснований для ревности у него не было абсолютно, ее оскорбила несправедливость его претензий, но дело даже не в обычной женской обиде... Люда вспомнила, как на первом курсе они гуляли по парку, пьяные от поцелуев, совершенно выпавшие из реальности. И вдруг почувствовали под ногами какую-то жижу, обнаружили, что оказались в болоте. Леша легко и бережно

поднял ее на руки, вынес к небольшому чистому озеру, снял с нее босоножки, вымыл ей ноги, сунул обувь в карманы и понес Люду к выходу из парка – довольно далеко.

Получается, что она в свою взрослую женскую жизнь ступила с детской уверенностью в том, что ее всегда на руках будут носить, молиться на нее. Может, так бывает у многих, а может, у них действительно все было иначе, чем у других. Короче, она не вынесла перемен. От каждого грубого слова в Люде все сжималось в молчаливой обороне и протесте. И она переставала узнавать в нем своего единственного желанного мужчину. Это проходило, потом возвращалось с новой силой... Когда он ее ударил в первый раз, ей показалось, что они оба этого не сумеют пережить, просто погибнут. Это повторялось, и не раз... Ясно стало, что они от этого не погибнут, но и в счастье не купаются. Она поняла, что ничего до конца не прощает, носит в душе ожесточение, которое имеет свойство накапливаться. И вот – практически край. После множества пробных попыток что-то ему объяснить Люда поняла одно: как только их беда будет озвучена, тут-то и произойдет самое плохое. Пока она ничего не назвала своими именами, он живет надеждой, что все вернется само собой.

Ну вот и будильник. Люда с облегчением поднялась, отправилась в ванную, долго стояла под душем, потом вошла на кухню. Завтрак всегда готовил Леша. Как всегда, уютно пахло кофе и тостами. Люда улыбнулась, собралась что-то сказать, но посмотрела в его потемневшие от переживаний

или гнева глаза и передумала. За завтраком они перебросились от силы несколькими словами, молча одевались, молча вышли из дома, сели в машину, доехали до ее редакции. Выходя, она не поцеловала его в щеку, просто кивнула. Она не смогла! Его обида только усиливала ее протест. Ясно одно: это нужно как-то решить самой. С ним – невозможно.

Алексей сильно сжал зубы, когда Люда скрылась за дверью редакции. Она даже не оглянулась. Он понимал, что она болезненно реагирует на каждый его недобрый взгляд, уходит в глухую обиду после резкого слова. А уж если он руку поднимет... Ну, нельзя этого делать, разумеется. Но разве все делают только то, что можно? Он – живой человек. Когда Люда выходила за него замуж, она знала, что он вспыльчивый, ревнивый, не самый веселый, совсем не компанейский. Она же его так любила. А теперь он каждую минуту боится услышать: «Я тебя не люблю». Или вообще: «Ты мне противен!» И что тогда ему делать? Убить ее? Убить себя? Бежать из дома, куда-то уехать, чтоб его никто и никогда не нашел? Но у них есть Аня... Алексей по утрам часто заплетает ей косички. Он всегда помнит запах ее легких волос, он, наверное, может точно сказать, сколько веснушек у нее на носу, он так радуется, когда она бежит ему навстречу. Он постоянно ее жалеет, боится, что другие дети могут ее обидеть: она совсем инфантильная, наивная, доверчивая... Другие дети. Собственные родители могут ее обидеть гораздо серьезнее!

Если у них с Людмилой все рухнет, что будет с Аней? Алексей почувствовал приступ ярости. Люда – взрослая женщина, она обязана беречь семью, дорожить тем, что есть. Да, она вышла замуж за человека с тяжелым характером, совсем не богатого, что в принципе не способствует улучшению нрава. Но он любит ее! Ему больше никто не нужен. Над ним посмеиваются сослуживцы. Он никогда не остается на стихийные застолья, не ходит на корпоративы. Он даже в командировках сидит по вечерам в номере один, зная, что его женатые коллеги в это время развлекаются не по-детски. Почему она этого не ценит, черт побери! Вот уж точно: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей...» Может, ему вообще по бабам пойти... Алексей вздохнул. Это даже ей назло не получится. Он страшно щепетилен и брезглив. Чужая женщина? Нет, исключено.

Он подъехал к своему офису, припарковался, вышел из машины, и тут к нему подошел шеф и его бывший сокурсник Виктор.

– Леша, привет. Слушай, выручи. Надо в налоговую с документами поехать, а бухгалтер заболела, замещает ее девчонка, ну, так сидит, пока просто место занимает. Я ее на работу взял два дня назад. Еще не въехала ни во что. Съездишь с ней? Вон она идет. Уже с мороженым, я балдею, честное слово. Брал сотрудницу с модельной внешностью, получил ясельную группу между горшком и мороженым. Катя! Двигайся быстрее. Алексей тебя отвезет. Да глотай ты этот

пломбир несчастный, ты ж все документы изгваздаешь.

Алексей посмотрел на девушку, которая приближалась к ним ровно в том же темпе, что и до окрика шефа. Она небрежно, легко и уверенно переставляла свои длинные, безупречной формы ноги, которым ничто не мешало: ни юбка, чуть прикрывающая бедра, ни босоножки на очень тонкой и высокой шпильке. Она такой же походкой наверняка шла бы по песку босиком. Как это у них получается?..

– Здравсте, – сказала ему Катя и облизнула пальцы. Мороженое она проглотила, как было велено.

– Привет. Поехали? Документы в этом мешке, что ли? – Алексей кивнул на большую холщовую сумку, висевшую у Кати через плечо.

– Ага. Мне куда садиться?

– Хочешь – со мной. Хочешь выспаться по дороге – устраивайся на заднем сиденье.

– Леша, – серьезно сказал Виктор. – Ты ей спать не предлагай, есть тоже. Она на все согласится. Вы дело едете делать.

– Ясно. Катя, прошу вперед. Все будет в порядке, не беспокойся, Витя.

Они выехали со двора, Катя достала косметичку, попудрилась, провела помадой по губам и заявила:

– Я умираю от него. Ну, какой зануда. Не ешь, не пей, не спи. Зайдет к нам в бухгалтерию, смотрит на меня так, как будто я сейчас спички достану и вашу прекрасную контору подожгу. Псих. Причем пятый. Я уже в пятую контору устра-

иваюсь.

– Сама уходишь или выгоняют?

– Ну, как сказать, – Катя мило улыбнулась. – Взаимно.

Алексей с любопытством взглянул на ее круглое, простенькое лицо с неправильными чертами, оно сияло юностью. Наверное, Алексею в его пасмурном настроении именно это было нужно. Солнечный лучик, который слегка согреет его и спрячется.

Они приехали на место, Алексей поставил Катю в очередь, сам пошел искать знакомого инспектора. Очередь обошли, с делами он управился быстро. Вышел, Катя ждала его во дворе. Он взглянул на нее и произнес неожиданно для себя, но совершенно уверенный в том, что поступает правильно.

– Слушай, я могу позвонить Вите, что мы застряли на целый день.

– И чего? – уставилась на него Катя.

– Купим вина, еды, мороженого и поедем ко мне на дачу, хочешь?

– Конечно, – без ужимок согласилась Катя.

Людмила раскладывала на столе папки с рукописями, письма, взяла и положила верстку страницы. Создавала видимость работы. Она ни о чем не могла думать. У нее дрожали руки. Это появилось совсем недавно. Опять непонятная тревога водила ее по кругу: что да почему, отчего и как...

Дело было не в бессонной ночи, не в напряженном утре, а в холодном расставании. Люда не смогла поцеловать мужа, и теперь ей было страшно: что он надумает за день. Это точно будет против нее. Против них с Аней. Она, наверное, сходит с ума, но физическое отвращение к мужу в это утро превратилось в страх. Как-то бестолково пролетела первая половина рабочего дня. Почти все пошли обедать в столовую. В комнате остались Люда и секретарша Таня, которая со скоростью строчащего пулемета набивала в Ворде текст. Люда подошла к ней, встала рядом.

– Таня, а ты что делаешь?

– Перепечатку даем. Длинный бред сивой кобылы.

– Так срочно, что даже некогда поесть?

– Да Димыч приказал.

Димычем в редакции называли ответственного секретаря – Дмитрия Орлова.

– Давай чайник включу, кофе попьем, у меня печенье есть.

– Давай, – обрадовалась Таня и похлопала своими длинными ресницами, которые, к изумлению коллектива, оказались не приклеенными, а настоящими.

Когда Люда заварила кофе, выложила в вазочку печенье, Таня уже занималась своим главным делом. Густо красила ресницы, потом долго их расчесывала какой-то ненормально широкой зубной щеткой.

– Все хочу у тебя спросить, – Люда глотнула кофе, и ей

вроде стало легче. – А ты почему нормальными щеточками и расческами для ресниц не пользуешься?

– Так это смотря для каких ресниц, – объяснила Таня. – Для обычных, да. А у меня видишь...

– А для чего такая зубная щетка? Ну, первоначально. Человеку в рот она не влезет.

– Не знаю. Достала.

«Достала» – это было самое любимое Танино слово. Она его произносила с придыханием. Людмила задумчиво окинула взглядом ее лицо, фигуру. Лицо можно назвать красивым: гладкая кожа, вздернутый носик, пухлые губы. Но весила Таня, наверное, далеко за сто килограммов. Постоянно занималась этим вопросом, только есть меньше не считала нужным.

– Таня, я случайно услышала, что ты к какой-то целительнице или колдунье ходишь. Ну, вроде по поводу похудения.

– С похуданием я к травнику хожу. – Таня с аппетитом и явным удовольствием поглощала одно печенье за другим. – А колдунья тоже есть. Для сестры нашла. В смысле, для ее козла.

– Мужа?

– Живут, только нерасписанные.

– Ну? И зачем козлу колдунья?

– Так ему она и не нужна. Ему и так хорошо. Бабник он. Отвороты ему ставим против баб.

– Помогает?

– Зинка, сестра, говорит – лучше стало. В клуб пойдут, он уже не на каждую пялится. – Таня одним глотком допила полчашки кофе и рассмеялась. – Теперь через одну. Работаем дальше.

– И ты действительно веришь, что это с отворотом связано?

– Конечно! – Танины глаза стали практически круглыми. – Помогает, сто пудов. Все так говорят, кто туда ходит.

– И многие ходят?

– Еще бы. Знаешь, кого я там видела? Леру Домино!

– Это еще кто?

– Ты что, не знаешь? Она, можно сказать, сейчас одна из первых поп-звезд. Ну, не из первых, но в десятке точно. Она еще замуж вышла, по телику свадьбу показывали, в общем, был сплошной шоколад, а оказался – бл...н, извини, бабник. Она так плакала, просто умирала.

– Откуда ты знаешь?

– А кто не знает? В тырнете прочитала. Потом смотрю: сидит у нашей Нины Арсеньевны. Ну, думаю, все правду пишут.

– Ей помогло?

– Откуда я знаю. Буду искать. Где-нибудь прочитаю. А тебе зачем?

– Тоже для мужа.

– Иди ты! Он же тебе не изменяет.

– Откуда ты знаешь?

- Ну, у нас не говорили, что изменяет.
- Какая логика у тебя! Не изменяет. Действительно.
- От кого отворот?
- От меня.
- Елки! Первый раз такое слышу.

Алексей, прикрыв глаза, лежал на старой деревянной кровати под влажной махровой простыней (дом был ветхий, деревянный, они редко приезжали его просушивать, обогреть) и напряженно прислушивался к звуку льющейся воды в ванной. Потом душ выключили, Катя вошла в комнату и остановилась у столика с зеркалом, спиной к нему. Он открыл глаза. Она стояла совсем обнаженная и пристально рассматривала какую-то точку или прыщик на своем носу. Он провел взглядом по ее роскошным ногам, плотным ягодицам, довольно широкой талии... Потом увидел совсем девчачьи лопатки, тонкую шею, руки, как у подростка... Как у дочки Ани. В нем все сжалось, будто перед ударом. Точнее, за этим ожиданием удар и последует стремительно. Горячая волна, сильный спазм в груди и мгновенный приступ страшной головной боли. Такая была у него реакция на сильное эмоциональное потрясение. Он быстро встал и бросился в ванную, пробормотав на ходу:

– Я, пожалуй, тоже...

Там он сразу включил холодную воду, сунул голову под сильную струю. В глазах потемнело, невыносимо затошнило.

Алексей изо всех сил вцепился руками в бортик ванны, минуту ему казалось, что он умирает. Потом спазм вытолкнул все, что было в желудке. Обычное меню любовников: вино, фрукты, мороженое... Алексей посмотрел в зеркало на свое побледневшее, осунувшееся лицо, попытался глубоко и ровно подышать. Затем тщательно все убрал, помыл, почистил зубы, долго стоял под горячим душем. В комнату он вошел с улыбкой.

– Хорошо бы нам здесь остаться на ночь. – Он подошел к Кате, погладил ее по плечу, почти не касаясь, потом быстро коснулся губами щеки. – Но мне нужно за дочерью ехать.

– Ну-у-у! – недовольно протянула Катя. – А я думала, мы куда-нибудь съездим поужинать, потом сюда вернемся. Тебе что, не понравилось? Скажи честно.

– Ну, о чем ты. Что значит, не понравилось? Ты замечательная девушка, все было прекрасно... Но у меня есть обязанности, сама понимаешь...

– Я не знаю. Просто как-то... А она сама не может, дочка твоя, приехать? Откуда ее забирать нужно?

– Она у тещи. Нет, мы не любим, когда она ездит одна. Маленькая еще.

– Сколько ей?

– Будет девять.

– Ничего себе – маленькая. Я в девять первый раз пиво пила, а в двенадцать уже в тусовке вертелась. У нас там и взрослые парни были, и даже женатик один...

– Аня не пьет пиво и не будет ни в какой тусовке. Одевайся.

– Слушай, я думала, ты клевый, а ты прям дундук какой-то старый.

– За комплимент спасибо, но все-таки собирайся.

– Ты че, обиделся, что ли? Я просто раздражить тебя хотела.

Катя неожиданно прижалась к нему всем телом, пытаясь страстно поцеловать в губы. Алексей опять сжался, как перед очередным приступом. Он боялся потерять контроль над собой. К сожалению, не в смысле отдаться на волю любовной страсти. О ней можно было только мечтать. Сейчас надо аккуратно расстаться с этой девушкой, которую он сделал любовницей по великой глупости и тоске. Он ведь знает себя. Если скрутит его – даже не вина, а черт знает что... Просто скрутит. Он поднял с пола одежду Кати, попытался ей помочь, она сердито оттолкнула его руки. Он облегченно вздохнул. Оделся сам, стараясь держаться подальше от нее. Потом они вышли вместе, он поддержал ее за локоть, когда спускались со ступенек крыльца, и быстро отнял руку, как только ступеньки закончились. Он не мог на нее смотреть, касаться: Катя казалась ему нечистой, уродливой женщиной, которая виновата в том, что внешне напоминает ребенка. Себя он человеком не чувствовал вообще. Он только себя умел так ужасно унижать.

В машине она обнимала его за шею, доставала длинной

ногой его ногу, дышала в ухо, короче, все еще не оставляла попыток соблазнить. Алексей резко затормозил.

– Ты мне мешаешь. Сиди, пожалуйста, спокойно.

– Буду мешать, – заявила она кокетливо и капризно, – пока не скажешь: мы еще увидимся?

– Да, конечно. Прямо завтра, на работе.

– Нет, ты со мной так не говори. Будто с дурой. Я спрашиваю, когда мы опять к тебе поедем?

– Мы больше никуда с тобой не поедем, – Алексей старался говорить спокойно, пытаясь даже улыбаться, только улыбка получилась неживой. Ему хотелось содрать ее со своих губ, как клейкую ленту. – Катюша, ты не поняла. Я вообще не по этой части. Ты, конечно, мне очень понравилась, но я люблю жену, дорожу семьей, понимаешь?

– Нифигасе! – Катя уставилась на него возмущенно. – Жену он полюбил после траха со мной! Ты за кого меня держишь! Ты что!

– Успокойся, – сдавленно произнес он. – Сама сказала, что ты – девушка опытная. Разве такие отношения обязательно должны иметь продолжение?

– Ты, придурок, – заорала она. – Ты меня что, на стриту снял? Да я твоей жене сейчас пойду позвоню. Или приеду. Узнаю в нашей бухгалтерии адрес...

– Что ты сказала? – Алексей больно сжал ее запястье. – Кому ты звонить собралась? – Его трясло и лихорадило. Главное – не ударить ее. – Если ты... Если ты, не дай бог,

что-то Людмиле... я за себя не ручаюсь...

– Да ты псих! – Катя смотрела на него с ужасом. – Выпусти меня, я на такси поеду.

Он открыл ей дверцу, смотрел пару минут в тумане, как она идет, как неуклюже болтаются ее руки подростка, потом быстро догнал ее, вынул из бумажника все деньги, сунул в холщовый мешок.

– Это на такси. Извини. Мне просто нездоровится. Спасибо тебе.

– Ну, псих же! – раздосадованно пробормотала Катя, глядя вслед рванувшей с места машине. Затем, не торопясь, пересчитала деньги и пожала плечами. – Ничего вообще-то.

К концу рабочего дня в редакцию приехала приятельница Людмилы – Маша Ступишина. Они когда-то вместе ходили в бассейн, учились в школах одного района, только Маша была на два года младше. Встретились через много лет в журнале. Маша привозила иногда свои заметки об авторском праве, давала объявления о помощи в регистрации товарных знаков – это была ее подработка. Она преподавала римское право в юридической академии. Бюджетница: зарплаты вечно не хватало, иногда даже на оплату большой пятикомнатной квартиры, где они жили с мужем в полубраке-полуразводе. Хотя квартира принадлежала Маше – по наследству от бабушки, – когда муж в очередной раз запивал, из дома уходила именно она. Однажды подвозила Людмилу домой из ре-

дакции и сказала, что уже две ночи спит в машине в гараже. Муж агрессивен в пьяном виде, она его боится. Люда ахнула и пригласила ее к себе. Разложила Анин широкий диван, заглянула тихонько вечером после ужина. Маша, окутанная своими длинными рыжими волосами, что-то рассказывала Ане ровным, приятным голосом лектора. Девочка смотрела на нее широко открытыми глазами, явно боясь уснуть и не узнать, чем дело кончилось. «Наверное, про римлян», – улыбнулась Люда. Аня не выдержала, сонно вздохнула и, обняв Машу за шею, сладко засопела. Маша погасила настольную лампу. Сейчас, кроме нее, к ним, пожалуй, никто и не приходит в гости. То ли потому, что Люда с Алексеем никого не приглашают, то ли потому, что знакомые чувствуют: что-то не так у них в доме...

– Добрый вечер, – поздоровалась со всеми Маша, кивнула Люде, давая понять, чтобы та ее ждала, и прошла в кабинет заведующего отделом.

Люда начала медленно складывать все на столе, собираться. Как хорошо, что Маша ее сегодня отвезет домой. Она постоянно чувствовала себя усталой. Все стали расходиться. Секретарша Таня, проходя мимо Люды, уставилась на нее выжидающим взглядом.

– Ну, чего?

– Ты о чем, Таня?

– Здрасте. Отворот будем делать?

– А. Я забыла. Подумаю, ладно?

– Думай. Только недолго. Я сказала: желающих там до хрена и больше.

– Я поняла. Поп-звезды, все такое. Я обязательно тебе скажу, как решусь. Ты уж тогда похлопочи за меня.

– Я – конечно. Только тянуть зачем? Ты чего теряешь?

– Да, собственно... Не знаю. Наверное, ничего. Кроме денег. Это дорого?

– По-всякому. С тебя нормально возьмет, не беспокойся.

– Но если нужно с мужем к ней приходиться, ничего не получится. Он не пойдет.

– Отворот – без него! – значительно произнесла Таня и понесла свое пышное тело, как всегда, обтянутое облегающими одеждами, к выходу. Людмила почему-то подумала, что Таня похожа на резиновую куклу-манекен, которую слишком сильно надули.

Маша вышла из кабинета заведующего, когда все, кроме Людмилы, уже разошлись. Она улыбнулась своей открытой, какой-то очень честной улыбкой – именно такое определение всегда возникало у Люды, когда она смотрела на Машин лицо. Честный взгляд, честная улыбка. Она умный, очень сложный человек, но впечатление при контакте, что все ее мысли как на ладони: Маша ничего не скрывает, не хитрит, на нее можно во всем положиться. Людмила вдруг подумала о своих мучениях. До чего дошла: секретарше Тане выложила, в общем, самую большую свою проблему. Этой дурехе, которая уже сегодня вечером будет всем звонить и говорить:

«Ой, ты не поверишь, что мне Людка Колесникова рассказывала...» А с Машей поделиться ей и в голову не приходило. Может, потому, что Машу считали почти родной все члены семьи Людмилы. Анька с радостным воплем бросалась ей на шею, Алексей улыбался, когда она приходила, что с ним бывало крайне редко: он не любил гостей. Как-то Люда сказала ему, что Маша боится оставаться в квартире с пьяным мужем. Алексей нахмурился: «Если он ее обидит, пусть она мне скажет: я ему шею сверну». Людмила внимательно на него посмотрела, подумала, что он может это сделать, и больше никогда не распространялась на тему Машиных отношений с мужем.

Маша села в кресло у стола Люды.

– Пять минут посижу, ладно? И поедем. Я отвезу тебя. Слушай, мы не виделись месяц точно. Ты здорова? Грустная какая-то.

– А я уже не знаю, здорова или нет. – И неожиданно для Люды, которая давно не разрешала себе плакать, слезы полились у нее из глаз. – У меня черт-те что происходит, я понять не могу...

– Рассказывай, – решительно сказала Маша. Ее всегда бледное лицо без капли косметики стало почти суровым: она считала своим долгом бросаться на любой призыв о помощи. Это поражало и трогало Люду: Маша себе помочь не может, в машине спит, оставив зарвавшегося мужу огромную квартиру. Алкоголизм – это, конечно, болезнь, но если человек

от природы совесть имеет, он с такой болезнью и в канаве перекантуется, чтобы жене не проводить ночи где придется. Но у Маши свой кодекс чести, свои мерки морали по отношению к себе и другим. Себе – никаких поблажек, других нужно понять.

– Даже не знаю, как сказать. Плохо у нас с Алексеем. Я не могу с ним быть. То есть я хочу, чтобы он оставался моим мужем, отцом Аньки. Но в постели его не выношу.

– Ничего страшного, – авторитетно сказала Маша. – Это бывает. Ты разве не знаешь, что так бывает?

А Людмила смотрела в Машины зеленоватые глаза в рыжих ресницах и читала в них растерянность. «Это плохо», – читала она в ее глазах.

– Машенька, – улыбнулась она, – я не Аня и не твои студенты. Ты мне не рассказывай, как бывает у римлян, как положено по психологии сексуальных отношений. Я грамотная. У нас катастрофа. Он моего состояния не понимает, не принимает, впадает в ярость. Я из-за этой ярости начинаю его ненавидеть. Он все чувствует. Мне кажется, с нами случилась большая беда, и мы только в самом ее начале. Дальше может произойти что угодно.

– Так, – между Машиными бровями появилась глубокая морщинка. – Вам надо вместе подумать и что-то решить.

– Это как раз то, чего мы не можем – ни вместе, ни отдельно. – Люда тяжело вздохнула и встала. – Поехали?

В машине Маша какое-то время сосредоточенно молчала,

потом произнесла:

– Пойти к психологу? Сексопатологу? Ты не думала о том, чтобы таким образом что-то исправить?

– Ну, думала. Это не есть возможно. Леша считает, раз поженились по страсти, значит, ею и должны жить. А если что-то сломалось, он не пойдет это исправлять к чужому человеку. Ты же знаешь: он максималист. И в чем-то, конечно, очень дикий. И страсть его тоже – дикая.

– Действительно, похоже на ненависть. Ты так говоришь... Страсть – это не преступление, это...

– Только не говори, что это большое счастье. Вою я от такого счастья, понимаешь? Моя жизнь стала ужасной: сначала меня трясет в ожидании, потом я его терплю, как пытку, потом трясусь уже от страха. Твой муж по пьяни контроль над собой теряет, а мой – в трезвом виде. Он – психопат, понимаешь? Скажи, а как ты со своим Мишей, ну, когда все нормально? Когда вы живете вместе и ты не спишь в гараже или у меня?

– У нас вообще другая история. Безумной страсти, наверное, и не было никогда. Когда я с ним познакомилась, все говорили, что он настолько талантливый физик, что может Нобелевскую премию получить, если захочет. А он в бизнес пошел. Деньги лихие, риск, другая компания... Алкоголизм... Я его возила к психотерапевтам, наркологам. Одна дама мне как-то сказала, сунув деньги за прием в ящик стола: «Вы с ним всю жизнь промучаетесь, неужели не ясно?

Найдите лучше другого». Представляешь? И это врач!

– По мне – совет она дала хороший. Но я не об этом спрашивала. Вот ты мужа боишься, потом вы опять вместе живете... Тебе с ним не противно после всего любовью заниматься?

– Когда у нас все нормально, я ему благодарна. Нет, не противно. Приятно. Он для меня по-прежнему родной человек. Просто я с самого начала люблю его больше, чем он меня. А вообще – у нас такая жизнь, что мы редко занимается любовью. У него ненормированный рабочий день, у меня... Устаем. Ну, в общем, я, наверное, не про это. Я ж сказала: у нас не было никогда такой страсти, которая может ненавистью обернуться...

Люда пристально посмотрела на подругу. Маша ни на кого не похожа. Стройная, с невероятно красивыми рыжими волосами, с благородным, бледным, выразительным лицом... Дама с полотен Средневековья. И не было страсти. И любит мужчину, который ее обижает. А она, Люда, совсем обыкновенная, ну, миловидная, ну, не очень глупая, образованная, но таких тысячи. Ее беду никто не поймет. Маша – тоже.

– Ты поднимаешься к нам? – спросила она.

– Ой, нет. Миша сегодня раньше приедет, мне нужно ужин приготовить. Но если что, звони мне в любое время, ладно? Я приеду.

– Конечно. У меня, кроме тебя, и нет никого.

Людмила вышла из машины, устало направилась к подъезду, вошла в квартиру, зажгла свет в прихожей, мысленно

поблагодарила бога за то, что Алексея еще нет. Сразу зазвонил телефон. Она поговорила с дочкой, мамой. Прошла в гостиную, остановилась у большого Анечкиного портрета. «Господи, – зашептала она, как будто в этот вечер бог был обязан выслушивать ее благодарности и просьбы. – Не посылай ты моей дочке любви. Не нужно ей ничьей страсти. Пусть спокойно повзрослеет, встретит спокойного человека, который будет ее спокойно любить. Ну, пожалуйста, господи...»

Людмила столько раз произнесла слово «спокойно», что ей самой стало ясно: в ее жизни с покоем покончено навсегда. Хлопнула входная дверь, она вздрогнула, повернулась и стала ждать мужа, готовая ко всему.

Маша приехала домой, поднялась на свой этаж, достала ключи... Что-то произошло: один ключ вошел в скважину, но не до конца и не поворачивался, другой даже не проходил. Всеми бытовыми делами в доме Маша занималась сама, поэтому она выбирала самую простую технику и замки. Чтоб никаких проблем с использованием и ремонтом. Она попробовала еще раз – ничего не получилось. Такое впечатление, будто ключи вставлены изнутри. Может, муж дома, но тогда почему ключ не вытащил? Обычно они просто захлопывали дверь. В голову тут же полезли жуткие мысли. Она начала звонить в дверь – долго, непрерывно... Тишина. Маше стало физически плохо. Она села на небольшую скамеечку у входной двери и, сжав руки, задумалась. Так бывает? Нет, так не

может быть. Ключи просто не входят в замочную скважину. Допустим, Миша выпил и, не понимая, что делает, закрылся изнутри, лег спать... Но он, выпив, не ложится сразу спать. Он начинает активно звонить кому-то, громко говорить, хотеть, выходит в магазин, иногда приводит друзей. Так поступают... Боже, так поступают самоубийцы. Наслушавшись наркологов и психотерапевтов, Маша все прочитала об алкоголизме: о страшных приступах тоски, тупиковых состояниях, навязчивых идеях. Она стала лихорадочно набирать два его мобильных номера – абонент недоступен. Домашний не отвечает. Что теперь? Звонить в милицию? МЧС? Чтобы они взломали дверь? А если он просто спит, если ему плохо... Они почувствуют запах алкоголя и куда-нибудь его потащат... Нет, нельзя. Нужно просить своих. В последнее время она только у Люды с Алексеем бывала, они в курсе ее ситуации. Маша позвонила, объяснила все Людмиле, та тоже испугалась.

– Маша, Леша как раз пришел. Он возьмет инструменты и откроет дверь. Пусть простые замки, но все когда-то ломается. Давай не будем паниковать. Сейчас главное – войти в квартиру.

Алексей очень быстро собрал инструменты, пошел к выходу. Люда его остановила у порога.

– Я только прошу тебя: держи себя в руках. Мало ли что ее муж может устроить. Не создавай проблем ни нам, ни Маше.

– Конечно, – не поворачивая головы, ответил Алексей.

Ему повезло, что у Маши возникла такая проблема. Алексей не мог сегодня смотреть жене в глаза. Он просто подонок. Изменить Люде с какой-то совершенно не нужной ему девчонкой! Кому он сделал назло? Он впадает в маразм. После нескольких часов этой «любви» ему навязчиво хочется отмыть себя дочиста, мозги желательно тоже.

Он поднялся на этаж, где сидела совсем сникшая Маша, кивнул ей и принялся за дело. Вскоре дверь была открыта. Маша вбежала в квартиру и стала осматривать все комнаты, Леша взял ее ключи и проверил замки.

– Его нет... – растерянно сказала Маша. – И ключей изнутри тоже не было.

– Конечно, не было, – ответил Леша. – Просто он замки поменял. Видимо, сегодня. Ты ведь утром из дома уходила?

– Да. А зачем поменял?

– Откуда я знаю. Могу только предположить, что он хочет жить в этой квартире один. Или не один. Но без тебя. Он прописан?

– Нет.

– Брак зарегистрирован?

– Да.

– Что-то, наверное, он придумал. Ты дома не ночуешь, когда он пьяный. Потом вообще не смогла бы, к примеру, сюда попасть... Не тот ты человек, чтобы каждый день замки взламывать. А он тот, чтобы их ставить...

– Нет.

– Ну, что значит нет. А если доказать суду, что человек не проживает, если привлечь друзей – юристов, бизнесменов, если... Маша, с тобой ведь может что-то случиться... Люда говорила, у тебя родители погибли в катастрофе...

– Да.

– Некому тебя искать, получается.

– Какие страшные вещи ты говоришь. Ты все видишь в каком-то чудовищном свете. Из-за такой ерунды, как квартира...

– С тобой все понятно. Квартира в пять комнат – ерунда, можно и в гараже пожить, пока милый проспится. Что делать будем?

– А что в таких случаях делают?

– Заявляют в полицию.

– А она что?

– А она – ничего. Или ему поможет.

– Но зачем он конкретно сегодня это сделал?

– Я думаю, он явится. Может, с друзьями. И ты сама от них убежишь. Как он рассчитывает.

– Я уеду прямо сейчас.

– Не вздумай. Иди, ложись спать. Я поколдую с замками, чтоб их не открыли, а утром новые поставлю. Людке только позвоню, все объясню.

– Получается, мы поведем себя, как он? Так и пойдет теперь?

– Ну, что загадывать. Как получится, так и поведем себя.

...Возня с замками, переговоры за дверью начались часа в три ночи. Леша в это время курил, сидя в кресле в прихожей, Маша вышла на звук и застыла. У нее даже губы побелели. За дверью кто-то отчетливо выругался матом.

– Это он? – спросил Алексей. Маша кивнула. – Уходи в самую дальнюю комнату. Я попробую сам решить вопрос.

– Но...

– У нас нет выхода. Они не уйдут просто так. Они думают, что ты здесь одна.

Маша ушла. Алексей открыл чемоданчик с инструментами, взял напильник, зажал в кулаке и открыл дверь. Два человека – типично клубного вида: в дорогих костюмах, с ухоженными, холеными лицами, которые лоснились от выпитого и съеденного, с «пивными» животами в пределах приличия – от неожиданности отпрянули, увидев Алексея.

– Я не понял, – сказал привлекательный шатен с серыми глазами, – это кто?

– Ты у меня спрашиваешь? – изумился довольно молодой, но совершенно лысый мужик. – Миша, это же не твоя жена? Мне так кажется.

– А вы хотели, чтобы это была жена Миши? Или чтобы ее вообще больше на свете не было? Поменяли замки, явились пьяными, и решен квартирный вопрос, так, что ли? – Алексей старался говорить ровно, чтобы не прорывалось в голосе бешенство, которое закипало в груди.

– Я все-таки не понимаю, что это за крендель и что за

бред он несет. – Муж Маши старался говорить высокомерно, небрежно, как хозяин положения. Собственно, он и был хозяином положения. Законный муж...

– Пошли вон отсюда. Переночуйте разок в гараже. – Алексей не шевельнул рукой, он просто разжал ее так, что они увидели напильник.

– Ах ты, урод, – рванулся к нему Михаил и вдруг наткнулся на исступленно-враждебный взгляд. «Убийца», – мелькнуло в нетрезвом мозгу. – Пошли, – бросил он приятелю. – Завтра разберемся. Неохота сейчас полицаев звать. Мы ж выпили, еще заметут...

Они пошли к лифту, Алексей услышал, как лифт стукнул на первом этаже, и только после этого разжал ладонь: на ней был кровавый след от напильника.

Машу он нашел в дальней комнате, на маленьком, почти детском диване. Она сидела, обхватив колени руками, окутанная рыжими волосами, подняла на него глаза, ставшие темно-зелеными от страдания.

– Они ушли, – сказал он. – Можешь расслабиться. Он, кстати, большой трус, твой муж. Ты не знала об этом?

– Нет, – прошептала она.

– А ты... Сказать правду? Ты мне кажешься самой красивой женщиной из всех, кого я видел.

– Ты что, – испуганно посмотрела она.

– Да ничего такого, чего не позволяло бы римское право. Я люблю Людмилу. Причем, кажется, без взаимности. А тебя

считаю красавицей. Вот так.

– Ты можешь лечь спать в любой комнате. Но сначала побудь немного со мной. Я сижу тут, ни о чем не думаю, сердце застыло. Просто превращаюсь в кусок льда, который потом растечется и исчезнет. Я хотела бы, чтобы так и было.

Алексей сел рядом с ней и вдруг зарылся лицом в золотистый каскад волос. Ему стало тепло и светло, как в раю...

Часть первая

Глава 1

Людмила вышла в коридор хирургического отделения, аккуратно прикрыв за собой дверь одноместной палаты. Она медленно подошла к Маше, которая ждала ее у окна. Движения Люды были странными, механическими, как у лунатика или человека под гипнозом.

– Что? – спросила Маша. – Что?! – Она потрясла Люду за плечо.

– Я не понимаю, – Люда смотрела не на Машу, а сквозь нее. – Он сказал... – Она надолго замолчала.

– Кто сказал? Что сказал? – Маша пыталась поймать взгляд подруги. В это время дверь палаты открылась, оттуда вышел врач и, кивнув Люде, быстро прошел к своему кабинету.

– Он сказал, – Людмила проводила взглядом врача. – Это заведующий отделением. Он сказал, что... Понимаешь, Леша начал задыхаться, я просила помочь, врач что-то делал, но сказал, что это агония...

– Ты не поняла, наверное... Я пойду к доктору. – Маша рванулась с места, но Люда ее задержала.

– Я поняла. И Леша понял. Он в сознании... До того как

это началось, я разговаривала с ним. Он попросил: «Приведи мне нормального врача»... Я сказала, что пришла с тобой и ты сейчас кому-нибудь звонишь... Профессору... Ну, чтобы он успокоился. Он попросил, чтобы ты зашла к нему. Потом стал задыхаться, но если врач ушел, наверное, ему уже легче или он уснул...

– Я пойду к нему. – Маша подбежала к двери палаты и не сразу нашла ручку: она почти ослепла – глаза были заполнены жгучими слезами.

Алексей открыл глаза, когда Маша склонилась над ним. То, что она сразу прочитала на его по-прежнему красивом лице, было уже не земным страданием. Это была смертная мука. Она упала на колени перед кроватью и прижалась лицом к его широкой, беспомощно открытой ладони.

– Машенька, – проговорил он очень тихо, с трудом, но отчетливо. – Ты прости меня. Я не хочу уходить... Ты одна... Ты...

– Нет. – Маша обняла его, прижала к себе, что-то стала говорить, не слыша себя...

Два врача разжали ее руки, посадили на стул, один сунул ватку с нашатырным спиртом под нос, голос Людмилы ровно произнес:

– Он умер, Маша. Ты с ним говорила, а он уже умер... Вот так.

Они просидели рядом, как две вдовы, два с половиной часа у кровати Алексея, который казался спокойно спящим.

Как считают врачи, именно столько времени нужно человеку, чтобы освоиться в своей смерти. Потом его можно везти в морг и оставлять одного.

Маша была врожденным автомобилистом, но, как они ехали в тот вечер к Людмиле домой, она потом не могла вспомнить. Людмила позвонила матери, та заплакала, сказала, что Аню будить не станет. Сообщит ей утром.

Люда и Маша двигались по квартире, как во сне, не разговаривая друг с другом, и каждая себе сказала, что думать будет потом. Наконец, Людмила постелила им в одной комнате – Маше на кровати, себе на диване, сказав:

– Давай хоть полежим.

Лежали в темноте молча, и вдруг Люда произнесла:

– Боюсь я, Маша. Такое никому не говорят – ни матери, ни лучшей подруге... Но я трусиха. Одна не справлюсь. Если я виновата, боюсь, бог меня накажет.

– Ты о чем? Ничего не понимаю.

– Помнишь, я тебе говорила, что разлюбила Лешу, не могу с ним быть... Меня Танька, секретарша, к гадалке одной водила: отворот делать.

– Что-что?

– Ну, да. Я ходила. Пятнадцать тысяч заплатила... Ты, конечно, думаешь, что я придурочная, так оно и есть, наверное, но это подействовало...

– Что подействовало? – Маша встала, зажгла свет и села рядом с Людмилой. – Что она делала? Как подействовало?

– Ну, бормотала там всякую ерунду, свечи жгла и его волос, который я принесла, что-то с фотографией делала... Потом дала мне бутылку, сказала, в еду настой подливать понемножку. Что значит понемножку, толком не объяснила...

– Ты что-то ему подливала? – Машины глаза стали огромными от ужаса. – У тебя это осталось?

– Нет. Кончилось. Я и бутылку выбросила. Ты думаешь... Нет, она сказала, что это отворотная трава, ничего опасного для здоровья.

– Какая, к черту, отворотная трава. – Маше показалось, что вся кровь в ней стала ледяной. – У него вдруг обнаружился неоперабельный рак желудка, метастазы. У такого молодого, здорового, сильного человека. Разве он когда-нибудь болел? Ты сама говорила, что он не понимал, когда ты болела, что у него, кроме плоскостопия, никаких проблем со здоровьем не было...

– Маша, – у Люды дрожали губы. – Но к этой женщине ходит огромное количество людей. Таня говорит, даже звезды шоу-бизнеса. Не отраву же она вот так открыто раздает. Я у нее лицензию смотрела.

– Господи боже мой, какая лицензия. Всем мошенникам другие мошенники лицензии продают.

– Но если бы у нее клиенты умирали... Так быстро... Нет, этого не может быть. И ведь действовало, я тебе говорю.

– Как действовало? – устало спросила Маша. – Когда действовало?

– Да почти сразу. Я сейчас тебе точно скажу, когда к ней ходила. Помнишь, у тебя муж замки поменял, Леша ездил дверь открывать? А на следующий день мы с Танькой поехали к этой гадалке. Нина Арсеньевна ее зовут. Это был конец мая, Аня последние дни перед каникулами в школу ходила. Сегодня тринадцатое августа. Нет, Леша умер тринадцатого, а сегодня уже четырнадцатое.

– Люда, перестань бредить, как сумасшедшая. Как подействовало, я тебя спрашиваю?

– Он перестал меня трогать. – Люда на самом деле уже не очень походила на нормального человека. – Стал на работе дольше задерживаться. Кино ночью иногда смотрел. Стал спокойным... Все, как гадалка и обещала.

– Ой-ой-ой! – Маша сжала руками виски, раскачиваясь, словно от сильной боли. – Как мне страшен твой идиотизм, как отвратительна моя собственная подлость...

– Машенька, о чем ты? Я не понимаю.

Маша выпрямила спину, заговорила отчетливо, как на лекции.

– В ту ночь, когда Леша приехал мою дверь открывать, до того как ты потащила его в сторону, мы с ним стали любовниками. Понимаешь, вдруг оказалось, что мы сами не понимали, что живем каждый не своей жизнью. Люда, я очень виновата перед тобой: не смогла тебе признаться. Леша, кстати, хотел. Он говорил, что ты поймешь, может, даже рада будешь, и Аня поймет, потому что дома у вас нехорошо,

а ко мне она нормально относится. Все могло бы наладиться. Я была против. Мне казалось, я такой предательницей окажусь... А теперь получается, что из-за меня он, возможно, погиб. Если бы я тебе сразу сказала, ты бы не пошла за этой отравой...

– У меня голова идет кругом. Я бы, конечно, все это заметила, если б... Не скажу, что была бы рада. Вы оба – предатели. Молчи, я так считаю. Но я думала только про эту чертову бутылку, из которой надо ему постоянно подливать. Я три раза ездила за этим настоем. А получается... Вы все это время миловались, конечно, тебе страшен мой идиотизм. Сейчас страшен. А если бы не так все кончилось, ты, может, и посмеялась бы...

– О чем ты говоришь! Разве ты меня один день знаешь? Мы бросились с Лешей друг к другу, как будто других людей нет на земле, как будто раньше мы просто заблудились... Мы любили... Знаешь, как два изгоя, которые могут спасти друг друга. И постоянно страдали из-за тебя, из-за Ани. Я – еще из-за Миши. Какой он ни есть, но он думал, что я его люблю... Мы мучались ужасной виной.

– Объясни мне. Как Леша мог в один день так ко мне остыть, если гадалка не помогла?

– Моя дорогая, мы об этом говорили. Я все время боюсь причинить тебе боль. Он, конечно, страстно влюбился в тебя в институте, а потом, когда... ну, в общем, оказалось, что вас связывает только Аня, что вы становитесь чужими, он

пытался сохранить ваши отношения вот таким чисто мужским способом. Людочка, то была уже не страсть. А скорее отчаяние. Он по природе очень верный человек... Я не могу произнести слово «был»...

Маша вскочила с дивана, бросилась в ванную, включила воду и чуть не задохнулась от рыданий. Ей казалось, что горе и страх ее просто задушат.

Глава 2

Утром Маша приехала домой, позвонила на работу, сказала, что заболела, и пролежала до вечера не в силах шевельнуть даже пальцем. Вечером зазвонил телефон.

– Приехала Лешина мама из Тамбова, – сухо сказала Людмила. – Мы решаем сейчас: хоронить его или кремировать? Советуюсь с тобой.

– Что говорит его мама?

– Она не говорит вообще. Кричит.

– То есть?

– Ну, не плачет, а кричит, как в деревнях. Страшно. Я говорю, а она вроде ничего не понимает.

– Она верующая?

– Наверное. С крестиком.

– Тогда хоронить надо, конечно.

– Я у тебя спросила, как ты думаешь. Ты не последний человек в его жизни. То есть последний. И главный, получается.

– Брось, Люда. Останови себя, не злись. Нет у тебя причины. Я не хочу сейчас об этом говорить. На вопрос твой отвечаю: я думаю, надо хоронить... Люда, лучше я сразу тебе скажу. В этом надо разобраться. Мы не сможем жить, если не получим ответа: что произошло на самом деле.

– Что ты задумала? Заявление, что ли, на меня написать?

– Нет, конечно. Но эта отворотная трава... Как ты сама не понимаешь, другие могут пострадать, если дело в ней.

– Я это понимаю. Только каким образом ты собираешься защищать этих других, не подставив меня?

– Успокойся. Не подставляю. Есть частные детективы, эксперты. Если надо, квартиру продам, куплю себе двушку. Я здесь все равно жить не смогу. Но это все потом... Если получится. Я обескровлена просто, ты, конечно, тоже. Пусть Леша уйдет с миром. Я завтра должна деньги получить, привезу тебе.

– Да у нас есть, хватит, мама даст...

– Не хватит. Мне деньги вообще не нужны.

– На похороны приедешь?

– Нет, извини. Вы семьей с ним проститесь. А я здесь. Говорят, душа сорок дней живет там, где у человека был дом. Мне кажется, Леше было хорошо тут.

– Я спросить хотела. Я вообще-то все лето с ним мало виделась. Работа у него до ночи, командировки по выходным... Он у тебя, конечно, был на самом деле. Ты замечала, что ему плохо? Он же не мог себя чувствовать хорошо!

– Практически нет. То есть мне иногда казалось, что Леша испытывает физическую боль, но он же любое страдание переносил как боль. Ты, наверное, знаешь... Я думала, он мучается из-за нашей ситуации, – пробормотала Маша.

– А он умирал... Странно. Я тоже ничего не замечала. Пил мой кофе с отваром, ел мой борщ... Спасибо говорил. Маша,

скажи, а как у вас было? Все нормально?

– Да. Нам было очень хорошо. Я сказала тебе, что мы любили друг друга. Но это было другое, наверное. Больше, чем любовь, я думаю. Невыносимая нежность, забота, жалость... Да, он жалел меня, а я страшно жалела его. Мы хотели счастья на двоих... Ну, хоть капельку, несмотря на нашу вину перед вами.

– Значит, он любил тебя сильнее, чем меня. Такую болезнь скрывал. Врач не мог поверить, что он слег за неделю до того, как сознание потерял и я «Скорую» вызвала.

– Люда...

– Да нет, я просто так говорю. Не знаю, как жить дальше.

– Жить надо. Дочку растить... Люда, ты готовься, маму Лешину попробуй сейчас уложить. Тяжелые дни предстоят. Я тоже хочу в сон провалиться, может, снотворное найду. Завтра позвоню, к дому подъеду, деньги передам.

Маша добрела до кухни, порылась в аптечке, нашла снотворное. Глотнула несколько таблеток. Ослабла она за последние дни так, что обратно до кровати шла, держась за стены. Уснуть удалось. Сны были такими страшными, что она умудрялась сознательно себя будить, чтобы избавиться от кошмара. Потом надвигался следующий. Только утром приснилось что-то неконкретное, нежное и мелодичное, как томление любви... Ее разбудил звонок в дверь. Она накинула халат, открыла не глядя. Не удивилась, увидев перед собой мужа. После той ночи со сменой замков он приехал

утром, Маша ему открыла, он увидел Алексея, все понял и приехал потом еще один раз, за вещами.

– Привет, – сказал Миша. – Разбудил?

– Да. Привет.

– Ты одна?

– Да.

– Я диски свои хотел забрать.

– Бери.

Маша не ушла из прихожей, стояла, не закрывая дверь, пока он не вышел с сумкой.

– Не терпится меня выставить? – спросил он.

– Мне нужно еще немного поспать, я устала.

– Неужели нам совсем не о чем поговорить? – Миша положил ей руки на плечи.

Маша шарахнулась, как будто ее ударило током. Сама испугалась своей реакции.

– Миша, извини, я же сказала: устала очень.

– Ничего себе, – он насмешливо улыбнулся. – Как я должен это понимать? То, что мы близкие люди и должны друг другу идти навстречу, – вообще не моя тема. Это ты мне внушала, когда пыталась избавить меня от пагубных привычек. Все кончено, я правильно понял?

– Да. Хорошо, что ты об этом заговорил. У меня просьба. Разведись со мной, пожалуйста. Если ты напишешь заявление и не будешь претендовать на жилплощадь, можно через загс, это очень просто.

– А почему я не должен претендовать на жилплощадь?

– Потому что у тебя есть квартира. А эту я хочу продать. Деньги очень нужны.

– А что, этот хам, с которым ты живешь, еще и альфонс? Маша посмотрела на него спокойно и прямо.

– Знаешь, я всегда хотела сделать так, чтобы тебе было проще. Ночевала в гараже, скрывала нашу жизнь от знакомых, унижалась перед наркологами. А ты вообще точно алкоголик? Выглядишь хорошо, работаешь, диски тебе нужны. Я вдруг подумала, может, тебе просто нравилось меня изводить? Эта история с замками... Короче, я сейчас предложила самый простой для тебя вариант. Не подойдет – выберу другой. Но будет по-моему.

– О! Прямо раскрепощенная женщина Востока. Общение с хамом...

– Молодец, – кивнула Маша. – Садись, пять. Ты озвучил концепцию, с которой я пойду в суд, если ты сам со мной не разведешься. У меня получится. Все-таки я преподаю римское право, а ты торгуешь автомобилями. И базаром несет от тебя за версту. Уходи.

Она спокойно закрыла за ним дверь и отстраненно подумала о том, что впервые его сознательно оскорбила. Что делать. Когда-то жизнь заставляет разобраться в себе и других. Нет, с ней иначе. Ее заставляет так действовать Лешина смерть. Она будет его защищать. Он в этом нуждается сейчас больше, чем при жизни.

Глава 3

Катя вошла в вестибюль и оторопело уставилась на большой портрет Алексея с черной лентой.

– Это чего? Что с ним? – настойчиво спросила она у стоящего рядом человека в очках.

– А вы как думаете? – нервно ответил ей очкарик. – Лично я уверен, что это не в честь дня рождения.

Он быстро пошел по коридору, явно расстроенный. Потом почему-то оглянулся и посмотрел на Катю с брезгливым удивлением. «Ну и контора, – раздраженно подумала она. – Каждый придурок смотрит на женщину, как на прошлогоднее говно». Она, наконец, догадалась прочитать текст под портретом. Ей стало холодно. Она боялась даже самого слова «смерть». А тут... Он был такой сильный, живой, теплый, красивый... Катя медленно вошла в свою бухгалтерию, бросила на стол сумку, опустилась на стул и то ли задумалась, сама не зная, о чем, то ли просто впала в ступор. Вошла главный бухгалтер Валентина Петровна, кивнула ей, села за свой стол.

– Здравствуйте, – с опозданием ответила Катя. – А чего с ним, я не поняла?

– С кем?

– С Алексеем Николаевичем.

– Он умер.

– Ясно, что умер. А отчего он умер?

– Мне не доложили, – холодно ответила бухгалтер. – Думаю, это вообще не твое дело. Может, поработаешь, наконец?

– Да пожалуйста, – Катя надулась и включила компьютер.

– Здравствуйте, дамы, – вошел озабоченный шеф. – Валентина Петровна, рассчитайте, пожалуйста, что Алексею причиталось, прибавьте отпускные: он не отгулял, ну, и пособие семье, как положено. Сделайте это сейчас, свяжитесь с Людмилой, спросите, ей домой подвезти или, может, на карту бросить...

– Я могу отвезти, – вызвалась Катя.

Виктор посмотрел на нее с сомнением.

– Лишь бы не работать? У людей горе. К ним поедет тот, кто знал Лешу.

– А я что, не знала? Мы вместе в налоговую ездили. Вы сами посылали.

– Я имел в виду... Спасибо, не надо.

– Господи, – выдохнула Катя, когда он вышел. – Что ж вы тут за люди такие собрались. Я прям бояться начинаю. Слово скажу – и думаю: как бы по роже не схлопотать. Че я вам сделала?

– Ты пока вообще ничего не сделала. Калькулятором пользоваться как следует не научилась. И почему ты такая неграмотная?

– А че это я неграмотная?

– Ладно, хватит. Не мешай.

Валентина Петровна позвонила Людмиле, договорилась, что деньги переведет на карту, потом сказала непривычно мягким голосом:

– Вы обращайтесь по всем вопросам. Мы очень любили Лешу и переживаем. Думаю, поминки у нас организуем, вам ничего делать не надо. Как вы считаете? Хорошо. Сейчас договарюсь с работниками нашей столовой.

Услуги Кати все-такигодились. Она ходила в столовую, там заведующая составила список продуктов, Валентина Петровна выделила деньги, Катя отнесла. И все время мельком смотрела на портрет Алексея в вестибюле, как будто он должен был ей объяснить, почему в этой жизни все так непонятно.

К концу дня Катя открыла свою страничку «ВКонтакте» и написала: «У меня щас такой депресняк прям тошно. Чеб придумать низнаю». Ей тут же ответили «миня», «петрушка», «ништяк». Все написали: «И у меня». Потом были слова, которые могли бы сойти за размышления, наконец, поступило первое предложение. «Ништяк» написал: «Можно ко мне, только выпивка и жратва свои». Катя облегченно вздохнула. Дальше детали обсудили по телефону, несмотря на то что Катя почти дымилась под гневным взглядом Валентины Петровны.

Зато вечером Катя очутилась в пестрой компании в полуквартире-полустудии, принадлежащей полухудожнику-полу-

бездельнику Митяю. Всем нравилось то, что она говорит, потом, когда выпили достаточно, чтобы полюбить друг друга, все стали веселить Катю, стараясь развеять ее депресняк. Митяй обнял ее за плечи и гладил ноги. Чуть позже все разбились на пары, Митяй повел Катю в комнату, где стоял его потертый диван. Катя села на него и вдруг испытала прилив какой-то торжественной печали.

– Ты знаешь, что у меня случилось, – сказала она с придыханием, глядя в небольшие, чуть косящие глаза Митяя. – Мужчина мой умер. Любовь у нас была. Такой интересный мужик, женатый, конечно.

– У тебя был такой старый мужик?

– Почему старый? Молодой, красивый.

– А почему он умер?

– Вот я щас и подумала... Может, оттого, что мы не могли встречаться. Он жену боялся.

– Ни фиги себе прикол. Ты че, правда?

– Правда-правда, – Катя оттолкнула его руки и достала из кармана телефон. Она давно забила в него домашний номер Алексея, еще после поездки на дачу. Сейчас ей казалось просто необходимым позвонить его жене, сказать, что она, Катя, тоже имеет право сегодня страдать.

– Это Людмила? – спросила она, стараясь говорить четко и трезво. – Добрый вечер. Меня зовут Катя. Я с работы вашего мужа. Я как узнала... Я сильно переживаю из-за него.

– Что вам нужно? – устало спросила Люда.

– Просто хочу сказать, как он говорил, что любит вас, дочку... Что я замечательная девушка... У нас свидание было, ну вы понимаете...

– Ты пьяная дура, – процедила Людмила. – У тебя язык заплетается. Не смей больше звонить.

Она положила трубку, а Катя, наконец, заплакала. Она рыдала всласть, пока Митяй укладывал ее на диван и, деловито сопя, делал то, что с большой натяжкой можно назвать «занятием любовью».

...Людмила неподвижно лежала на кровати, не разрешая себе даже громкого вздоха, который могла услышать све-кровь, и думала о том, каким бы замечательным выходом было – убить себя, пока на нее не обрушились все наказания, которые она заслужила.

Глава 4

– И что мне делать, и куды мне бечь, и как бы мне на дно залечь, – бормотал себе под нос Митяй, роясь, между прочим, в Катиной сумке.

– И что ты делаешь, придурок? – сонным голосом спросила она, протирая опухшие глаза.

– Бабло ищу, радость моя, – невинно ответил Митяй. – Думаю, сейчас эта кобылица проснется, жрать запросит, а у нас – пусто-пусто...

– В лоб не боишься получить за кобылицу? – Катя поднялась и почувствовала, что есть действительно хочет. – Дай сумку, у меня там все так устроено, что не каждый дурак найдет.

Вскоре Митяй с довольным видом отправился за покупками, Катя сполоснулась в его странной ванне, мало приспособленной для мытья. Кое-как подкрасилась, попыталась смыть пятно, похоже, от вина, со светлой юбки. Посмотрела на часы: на работу еще можно успеть вовремя. Вдруг зазвонил ее телефон.

– Это Людмила, жена Алексея. Вы вчера вечером мне звонили, да? – спросили в трубке.

– Да? Вроде звонила...

– Значит, все-таки была в нетрезвом виде. Я хочу, чтобы вы сегодня объяснили мне... и еще одному человеку, моей

подруге, то, что сказали вчера.

– Ну, я не знаю...

– Да вам и не нужно ничего особенного знать. Мы сами во всем разберемся. Моя подруга преподает в юридической академии, правду от неправды отличит. Где вы сейчас?

– В одном месте... У знакомого.

– Говорите адрес, мы подъедем, на работу вас подвезем, по дороге и поговорим.

Митяй обнаружил Катю в глубокой задумчивости.

– Эй, ты чего? Иди сюда, хоть хлеба и колбасы порубай на куски.

– Давай нож. – Катя достала из пакета продукты и стала резать их на столе, заставленном грязной посудой. – Слушай, я тебе вчера рассказывала, что у меня знакомый умер?

– А как же. Вроде от большой любви к тебе и страха перед женой.

– Я так сказала?

– Ну, что-то в этом смысле.

– Я кому-нибудь звонила, не помнишь?

– Звонила.

– И что говорила?

– Тоже в этом смысле.

– Ой!

– Что?

– Так я его жене и звонила. Она сейчас за мной приедет. С подругой из юридической академии. Представляешь?

– Нет. Это еще что за хрень, что за академия? Я знаю Академию наук, Академию художеств... Еще другие знал...

– Ну, какая разница, что ты знаешь. Я думаю, не свалить ли мне сейчас от них?

– Не-е-е. Уже не выйдет. Ты ж представилась по полной программе. Хочешь, чтоб они тебя с полицией искали? На рабочем месте? Ты просто поговори с ними по-женски, по душам. – Митяй совсем скосил свои глазки, будто в предвкушении смешного анекдота. – Потом все опиши «ВКонтакте». Почитаем комменты. А то в последнее время читать нечего. Выдай: любовь, морковь, жена и покойник.

– Пошел ты в жопу. – Катя швырнула на стол недоеденный бутерброд. – Игрун нашелся... Тут такое... А он... Пошел в...

– Спокойно. Ты говорила куда. У тебя с памятью конкретные проблемы. Трубку возьми, звонят. Со слухом тоже плохо?

– Да, – ответила Катя по телефону. – Я спускаюсь.

Она вышла из подъезда и медленно пошла к серебристой «Тойоте», у которой стояли две женщины: одна в черном платке, другая – с длинными рыжими волосами. Катя так волновалась, что больше ничего не рассмотрела. Женщины с ней вежливо поздоровались, рыжеволосая села за руль, Катя – на заднее сиденье рядом с той, что в черном платке. Значит, это и есть Людмила. Они задавали ей вопросы, Катя отвечала, они между собой что-то уточняли.

– Так он после нее поехал к тебе дверь открывать, – горько улыбнулась Людмила.

– Да, так получается, – ровно ответила Маша. – Катя, вы уж нас простите за бестактные вопросы. Такая трагедия, внезапная смерть, мы пытаемся понять, что с Лешей происходило в последнее время.

– Мы обе хотим понять, – с тем же горьким сарказмом добавила Людмила. – Ну, и как вы расстались? Он что-то вам обещал?

– Что он мне обещал! – в Катинем голосе звенели слезы, так ей было неуютно в обществе этих женщин, которых она обозначила в уме: «ну, прям все из себя». – Переспал, а потом его скрючило от меня, как будто я вшивая какая. Шарался. Из машины высадил, сказал, чтоб больше не приставала, потом, правда, догнал, денег дал. Точно он больной у вас был.

– Боже, – выдохнула Маша. – Какой ужас. Люда, мне кажется, мы все выяснили, давай не будем это обсуждать. Катя, мы приехали. Еще раз извините...

– Да чего уж, – буркнула та. – Спасибо, что подвезли.

Глава 5

Два дня до похорон Алексея Маша провела дома. Не спала, не ела, ничем не занималась, ни о чем не думала. Она ждала: надо пережить этот день, потом... потом будет ясно, как поступить.

В день похорон рано утром позвонила Людмила.

– Маша, мы уже собираемся. Я, мама и Аня поедем с Лешей в автобусе. Его сослуживцы на машинах. Я могу попросить, чтобы кто-нибудь к тебе по дороге заехал... Наверное, Витя, его друг. В общем, я ночью бумаги в Лешином столе перебирала, нашла кое-что. Нас обеих касается.

– Что это? – испуганно спросила Маша.

– Просто его письмо мне о тебе. Написал на случай, если будет уходить к тебе... Ты только ничего не говори сейчас, может, потом. Так я дам Вите твой адрес? Он позвонит, когда подъедет. Спустись, пожалуйста.

– Хорошо. Как ты?

– Как положено. Выдержу.

– А мама, Анечка?

– Анечка, – Люда долго молчала, потом всхлипнула, – Анечка... Это какой-то ужас, Маша. Она не может понять. Она увидит его в автобусе, я не представляю, что с ней будет.

– Может, пусть этот Витя привезет Аню ко мне?

– Нет, – уверенно сказала Люда. – Она маленькая, конеч-

но, но уже в таком возрасте, когда с отцом нужно проститься сознательно. Ребенку в девять лет не рассказывают небылиц про внезапный полет в космос.

– Да, наверное. Но вообще имей, пожалуйста, в виду. Я всегда, в любую минуту готова ее принять, вам с мамой в первое время придется перестраиваться. Ане будет хорошо со мной.

– Я знаю.

Виктор позвонил Маше часа через полтора. Все это время она сидела в гостиной, выпрямившись, сжав до боли руки, и смотрела на часы. Выбежала из подъезда, стройная, в черных джинсах и черном пуловере, ветер распушил рыжие волосы... Виктор, друг и шеф Алексея, сразу понял, что это и есть Маша. Не торопясь, направился к ней, поздоровался и протянул конверт.

– Спасибо. – Она сжала его в руке. – Я вам так благодарна. Для меня это очень важно. Именно сегодня.

– Ну, что вы. Это несложно. В общем-то, по дороге. Хорошо, что доставил вовремя.

Маша кивнула, но она его явно не видела, думала только о письме в конверте. А Виктор с усилием оторвал взгляд от ее лица. Он такой женщины точно никогда не встречал. Бледное, страстное лицо в обрамлении ярких волос, зеленые глаза в светлых, как лучики, ресницах, красивый, четкого рисунка рот, подбородок нежный и упрямый... Это лицо преследовало его, когда он ехал в машине на кладби-

ще. Что связывало эту женщину с Лешей, прямолинейным и упертым семьянином?.. Его неистовая верность милой и простенькой Людмиле стала притчей во языцех в их коллективе. И вдруг такая Маша...

А она положила конверт на столик в гостиной и долго смотрела на него, не открывая. Потом пошла в ванную, долго мыла руки, умывалась. Вернулась и отключила домашний и мобильный телефоны. Потом открыла конверт и достала листок с написанным от руки текстом.

«Дорогая Люда, я не смог сказать тебе, поэтому пишу. Ты – первая моя настоящая любовь, мать моей чудесной дочки. Ты – жена моя, и я честно старался, чтобы так было всегда. У меня получалось плохо, я знаю, что сам оттолкнул тебя. Я не прошу прощения, знаю, что ты все понимаешь. Между нами возникла пропасть, которую мы не можем преодолеть. И все равно: я был бы рядом, я держал бы тебя над этой пропастью и не отпускал, потому что считал это правильным. Только вдруг все изменилось. Нет, наверное, не вдруг, просто раньше я бы себе не позволил это заметить. Не знаю даже, как сказать. В общем, подарок большой мне жизнь послала. Твоя подруга Маша стала для меня важнее всего на свете. То ли я не однолюб получаюсь, то ли главную любовь встретил только сейчас.

Люда, мне кажется, наши отношения тебе давно в тягость. Да и мне очень тяжело, потому и веду себя как идиот. Отпусти меня, пожалуйста. Ты ведь тоже можешь встретить сво-

его человека, с которым будешь счастлива. А я всегда буду рядом с вами. Твой Алексей».

За плотной шторой раскалялось солнце, потом надвинулись черные тучи, сверкала молния, гремел гром. Ничего этого Маша не видела и не слышала. Она не слышала даже собственных рыданий, хотя плакала, как в раннем детстве, – в голос, чувствуя, как разрывается сердце. Вдруг в ней все замерло, она насторожилась, прислушалась: вокруг зазвенела пустота. Все. Лешу похоронили. Она вошла в мамину комнату, где ничего не меняла после ее гибели, зажгла свечи в старинном подсвечнике у ее портрета и прошептала:

– Мамочка, он скоро придет к тебе. Не забывают обо мне, прошу вас.

Глава 6

Секретарша Таня густо мазала ресницы, потом долго расчесывала их зубной щеткой, возможно, для лошадей, потом опять красила и вновь расчесывала. Результат она пристально рассматривала с помощью двух зеркал, они всегда стояли на ее столе. Судя по всему, осталась довольна, поскольку перешла к следующему этапу. Достала флаконы и тюбики с разного цвета тоном, карандаши-корректоры и стала терзать свою безупречную кожу. Стоящая рядом уже минут двадцать Маша даже прерывисто вздохнула от сопереживания. Таня, наконец, ее заметила.

– Привет. Давно тут стоишь?

– Привет. Да не очень. Ты продолжай, я подожду.

– Ты че, ко мне, что ли? Я думала, к шефу.

– К тебе, потому и пришла, пока никого нет.

– И чего ты хочешь?

– Таня, ты не могла бы мне дать адрес гадалки, к которой Людмила возила? Она мне рассказывала.

– А что она тебе рассказывала?

– Ну, отворот ей делала твоя знакомая. Нина Арсеньевна, кажется. Это помогло.

– А ты чего хочешь?

– Таня, можно я с ней об этом поговорю. Ну, личные проблемы, не готова я делиться со всеми.

– Интересные дела. К моей гадалке просишься, а делиться не готова. Нельзя так. Я должна у нее спросить, присылать человека с такими проблемами или нет. Она всем подряд, думаешь, помогает?

– Я об этом не думала. Обратилась к тебе с просьбой. Могу, конечно, и другую гадалку поискать, раз твоей клиенты не нужны. У Людмилы сейчас спрашивать не могу, сама понимаешь.

– Почему не можешь? А-а-а! Ну, да. Он же умер. Я не пойму, чего ты кипятишься? Уже спросить нельзя!

– Конечно, можно. Ладно. Скажу. Я хочу, чтобы мой муж со мной развелся. Сам, понимаешь?

– Да ты что! Ну, ты даешь. Вы прям все как с ума посходили. Отворот, чтоб развелся. Нормальные бабы хотят одного: чтоб ее муж был при ней, а разводились мужья подруг.

– Таня, я в шоке. Ты произнесла практически совершенную мысль.

– А почему нет? Думаешь, если я красивая, значит, без мозгов?

– Ну, что ты! Ты и красивая, и умная, просто истины не часто изрекаешь. Так, может, позвонишь ей сейчас? А мне адрес дашь.

– Не. Щас не могу. У нее медитация утром. Вечером позвоню – тебе сообщу. А что Людка тебе рассказала? Как могло? Я ж теперь тоже у нее не могу спросить. Неудобно вроде. А что с ним случилось?

- Онкология. Помогло – в смысле они поняли друг друга.
- А пожить не получилось. От жалко, да?
- Да.

Маша быстро вышла из приемной, добежала до машины, села за руль и выдохнула: «Ну, debilка, блин». Причем была не уверена в том, что имеет в виду только Таню. Сама она во что лезет! Уму непостижимо.

Вечером она терпеливо ждала Таниного звонка, пытаясь хоть как-то убрать запущенную квартиру. Метод – то тут, то там – не очень помогал на ста пятидесяти квадратных метрах. Маша вспомнила другую систему, кажется, ею пользовалась героиня романа «Клуб первых жен». Она каждый вечер до блеска надраивала один квадратик своего замка. Маша начала с кухни, работа перестала казаться бессмысленной, стал виден результат.

Отвечая на телефонный звонок, она схватила приготовленную ручку, чтобы записать адрес. Но это была не Таня. Звонила Вера. Жила она через дом от нее.

- Здравствуй, Верочка. – Маша поняла, как измучило одиночество. – Ты где?
- Да, собственно, к дому еду, мимо тебя.
- А почему мимо? Не хочешь зайти? Правда, у меня, кроме кофе и сыра, нет ничего...
- А у меня полный багажник еды. Мои сегодня с дачи вернулись. Но я, знаешь, одних полуфабрикатов накупила: чтобы сунуть в микроволновку... Я без них разленилась. Еду и

думаю: как вчера было хорошо, никого нет, что хочу, то и делаю. Не хочу – не делаю. Теперь опять надо впрягаться в жизнь шумною толпой.

– Мне, наверное, шумной толпы не хватает, чтобы что-то сделать по дому. Занимаюсь в данный момент самоистязанием на кухне. А в котором часу твои вернутся с работы?

– Петька с Галей, наверное, через час. Полинка с Варькой дома, но им я еду оставила с утра.

– С кем Полинка? Ой, все время забываю, что вы собаку Варькой назвали. Додумались! Ну, так заходи, а?

Маша положила трубку и облегченно вздохнула. Уборку кухни можно прекратить по уважительной причине и минут на тридцать остановить изнурительную карусель собственных мыслей. Вера сейчас начнет рассказывать о себе, брате Петре, его жене Галине, племяннице Полинке, собаке Варьке, в последнюю очередь о родителях, которые, по ее мнению, впадают в маразм... Маша почти позавидовала такой ясной и полноценной родственной жизни. Правда, тесновато им: Петя с Галей никак не накопят на свою квартиру, живут все в двухкомнатной родителей, те круглый год на даче.

– Сто лет тебя не видела, живем-то далеко, через дом. – Вера вошла в прихожую, улыбающаяся, жизнерадостная. – Да, видно, что у тебя, кроме кофе, ничего нет. Причем, наверное, не первый месяц. Жалко, что ты не в девятнадцатом веке живешь. С такой талией и такой интересной бледностью удобно в обмороки падать, как тогда было модно. Сейчас

– нет. В этом пакете киевские котлеты. Практически готовы. Очень даже съедобные. Разогреваются пять минут максимум. Продаются в нашем магазине, до которого тебе три шага. Но, конечно, без вдохновения их не приготовить.

– Это так, – улыбнулась Маша. Она была рада видеть загорелую, круглолицую, полноватую Веру, которая казалась ей всегда уютной и приятной, как теплый домашний хлеб, как живое напоминание о Машиной жизни с родителями, когда и у нее была дружная, любящая семья...

– Ты сиди, я сама приготовлю, – сказала на кухне Вера. – Вижу твой трудовой подвиг: посуда помыта, раковина и плита сверкают. Хвалю. Можешь на сегодня прерваться.

Они поужинали, Маша с удивлением обнаружила, что проголодалась.

– Вкусно. Спасибо тебе.

– Да ладно. Как-нибудь с кулебякой собственного производства к тебе приду. Специально испеку, тайком от своих, а то сожрут тут же. Ты поела?

– Да, а что?

– Расскажу, что у нас приключилось. Мы умирали со смеху.

– Уже настораживает. То есть это во время еды слушать нельзя?

– Ну, тебе нельзя. Ты – нежная. В общем, Варьку, чучело наше одноухое, помнишь?

– Ну, привет. Почему я ее забыть должна? У нее полтора

уха, между прочим. Милейшая собака.

– Да. Именно это я и хотела сказать. Милейшая собака. А у соседей по даче – такса с мерзким характером. Визгливо лает целый день, а когда мы проходим, просто в истерику впадает, морду под забор просунет и вопит. Варька молчит и думает. И придумала. Наши шли в лес с ней – и тут гвалт из-под соседской калитки. Морда торчит. Варька в момент метнулась, схватила таксу за загривок, вытащила из-под забора, сразу придушила, как крысу, и понеслась в лес ее догрызать.

– Ты что! Она ее убила?

– Ну, не совсем. Говорю ж, догрызать потащила, еще живую. Петька отбил, но, прямо скажу, это была некондиция, – Вера залилась своим здоровым смехом.

– Вера, – грустно сказала Маша, – тебе кажется это смешным? Они хоть к врачу таксу отнесли?

– Они сунули ее обратно под забор и свалили по-быстро-му. Пока хозяев дома не было, одна домработница.

– Ужас. У вас нервы, как канаты.

– Да ладно тебе. Это жизнь. Ты лучше скажи, что у тебя? Где Мишка?

– Мы разводимся.

– Да ты что? Из-за того, что он выпивает?

– Из-за многого.

– Да, дела. А Мишка небось квартиру эту делить будет.

– Надеюсь, что нет. У него своя есть. Я эту продать хочу. Куплю меньшую. Деньги нужны.

– На что?

– На все.

– Хочешь знать мое мнение? Это маразм – такую квартиру продавать. Деньги всегда можно заработать, детей у тебя нет. А когда появятся, вот тогда ты локти будешь кусать, что сглупила.

– Мне тридцать три года. Какие дети!

– Господи, сейчас и в пятьдесят, и в шестьдесят рожают. Не читала, что ли? «Я думала, что климакс, и вдруг воды отошли», – Вера процитировала и опять весело рассмеялась.

– Тогда у меня масса времени, – кивнула Маша и услышала звонок. – Извини, я на минуту. Да, Таня, я пишу... Записала, спасибо. Да, скажу «от Татьяны». Сколько заплатить? Хорошо. Еще раз спасибо... Расскажу, конечно.

Маша положила телефон и растерянно смотрела на бумажку с адресом. Что она ей скажет, этой гадалке?

– Что-то серьезное? – внимательно посмотрела на нее Вера.

– Я даже не знаю. Возможно, нет. Это адрес гадалки.

– Чего-чего?

– Понимаешь, такая история произошла...

Маша неожиданно для себя рассказала Вере об Алексее, о Людмиле, о том, что случилось... Сил больше не было держать это в себе. Так она Вере и сказала.

– Да, история. Хорошо, что поделилась. Что ж тебе одной с этим мучиться. А ты знаешь, я вас видела как-то. Вы из ма-

газина вместе шли. Красивый мужик, ямочка на подбородке, так смотрел на тебя... Я даже постеснялась тебя позвать. Вот почему развод... Но его же нет больше... Ой, извини, я забыла, какая ты цельная натура. Тебя смерть не остановит. Решила гадалку проверить? Машенька, они таких, как ты, на раз раскусывают. Хотя попробовать можно. Хочешь, с тобой поеду?

– Наверное, да. Я боюсь.

Глава 7

Утром они ехали по указанному адресу, и Маша тихо рассказывала:

– Ты представляешь, Вера, мы с Лешей стали любовниками в тот день, когда он впервые изменил своей жене.

– С кем?

– Девочка у них в бухгалтерии есть. Он работал в «Автодоре». Мы с Людой встречались с этой Катей.

– Ну и как она?

– Симпатичная. Говорит, после того что между ними произошло, он переживал, не мог на нее смотреть, просил больше не подходить. Высадил, денег дал... Отчаяние это было. Он – человек крайних эмоций. В Люду влюбился в институте, думал, чувства сохраняются до конца дней. Не получилось. Точнее, получилось – хуже некуда. Она его почти ненавидела, он довел себя до психопатии.

– Тяжелый случай. Маша, ты думаешь, у вас что-то получилось бы?

– А у нас получилось. Мы встретились как после разлуки. Я часто у них дома бывала. Мы просто не разрешали себе замечать, что нас тянет друг к другу. Такие неправильные, такие прямолинейные, верны... не тем людям были. Я поверила в то, что встречи предначертаны свыше. Он пришел, и мне сразу показалось все в нем родным – его дыхание, его

тепло, его страсть... Мне кажется, если бы мы успели поссориться и он ударил бы меня, я поцеловала бы его руку.

– Господи. Тебе нужно как-то выбираться из этой подростковой экзальтации. Одного распустила дальше некуда: в гараже спала, пока он в твоей квартире пьянствовал. Другому руку собиралась целовать за то, что мог ударить.

– Он не мог. Меня – не мог бы никогда. Я знаю. Я просто так объяснила свое отношение к нему.

– Сколько я тебя помню, все по тебе сохли, подышали, штабелями укладывались. Неужели нормального не можешь найти?

– Вера, нет более субъективного понятия, чем норма. Я нашла то, что нужно мне. Теперь хочу узнать, почему и как нас оторвали друг от друга. Ты же читала вчера его записку жене. Он все решил...

– Что будешь делать, когда узнаешь?

– Понятия не имею. Вот к гадалке едем. Разве тебе не интересно?

– Интересно. Хочу к ней присмотреться. Может, тоже в гадалки подамся. В нашей конторе мухидохнут от вида прокисших баб. А у кое-кого жизнь кипит и кошелек наполняется. Я про твою гадалку.

Они приехали к обычному жилому дому, поднялись в съемную квартиру, где в длинной прихожей стояли стулья вдоль стен и торчали нелепые цветы в дурацких горшках. Во всяком случае, они такими показались Маше в данном инте-

рьере. Сели на свободные места под настороженными и любопытными взглядами других посетительниц. Маша подумала: «Так, наверное, смотрят друг на друга подопытные крысы в виварии». Женщины входили, выходили. Маша ждала, когда ее позовут, как велела Таня. Вообще-то она все еще подумывала о побеге. Но внезапно дверь комнаты широко распахнулась, и на пороге появилась женщина неопределенного возраста, опирающаяся на палку. Одна нога у нее была заметно короче другой.

– Кто от Татьяны? – спросила она резким голосом.

Маша вскочила, как школьница на уроке. Женщина повернулась и молча пошла в комнату, Маша поплелась за ней. Комната как комната. Стол, стул, диван, большой журнальный столик со свечами, стеклянными шарами и еще какими-то непонятными предметами. Гадалка села за стол, Маша – на краешек стула перед нею.

– Вы будете спрашивать или мне сразу говорить, Нина Арсеньевна?

– Имя, фамилия?

– Мария Ступишина.

– Какой вопрос?

– Я хотела бы, чтобы мой муж потерял ко мне интерес, развелся по своей инициативе, короче, ушел бы из моей жизни.

– Есть другой?

– Нет. Я просто хочу, чтобы ушел этот.

– Чья квартира?

– Моя.

– Какая?

– Пятикомнатная, – улыбнулась Маша. – Извините, но у меня такое впечатление, что я пришла в риелторское агентство. Или вы по совместительству?

Гадалка какое-то время молча смотрела на Машу, та не отводила взгляда. Рассматривала ее лицо – гладкое, без морщин, волосы серого, мышиноного цвета, стянутые сзади в пучок, такого же цвета неморгающие глаза. «Могла она или не могла?» – думала Маша. «Характер показывает», – безразлично думала гадалка.

– Фотка есть?

– Извините, я забыла. А без нее нельзя?

– Можно. Представь его мысленно, я считаю.

Маша собралась, представила себе мужской манекен из ближайшего бутика и постаралась зафиксировать его в мозгу. Верит она или не верит, а рисковать незачем.

– Представили? – спросила она минуты через две.

– Да, – буркнула Нина Арсеньевна. – Через два дня приходи за отваром. Сегодня прием – пять тысяч, отвар – десять.

– А сегодня его у вас нет, что ли?

– Есть – для тех, кто раньше заказывал. Я что – всем из одного ведра наливаю? Каждому свой делаю. – Серые глаза, наконец, моргнули.

– Надеюсь, что не из одного ведра, – кивнула Маша. – А

это вы не будете делать? – Она показала на свечки, шары на журнальном столике.

– Не требуется, – отрезала Нина Арсеньевна. – Не поможет отвар – тогда по-другому...

– Понятно, значит, через два дня приеду. – Маша положила перед ней пятитысячную купюру и пошла к выходу, стараясь идти не слишком быстро. Настырный взгляд просто толкал ее в спину.

– Ну, как? Ты чего, зомбированная, что ли? – нетерпеливо спросила у нее Вера на улице.

– Возможно, – Маша перевела дыхание. – Я ей не понравилась точно. А манекен, который я представила себе вместо мужа, – он вроде сошел. Через два дня отвар для него будет готов.

Они сели в машину, сразу зазвонил Машин телефон.

– Слушай, – недовольно произнес ленивый голос Тани, – ты чего там выделывалась? Тебе помогают, а ты... Я прям не знаю.

– Таня, а что не так?

– Вопросы какие-то... Ты чего в этом смыслишь? Я у тебя про твое римское право спрашиваю? Ладно, не подставляй меня больше. Делай, как говорят, и она поможет тебе, как Людке. Вернее, помогла бы, если б он не того...

Маша до крови прикусила губу, чтобы ничего не сказать.

Глава 8

Она высадила Веру у ее дома, подъехала к своему, втиснула машину в промежуток на парковке, вышла, стала закрывать дверцу... и вдруг практически оглохла от пронзительного визга.

– Ты! – вопила самая странная соседка по дому, которую все старались обходить стороной. – У тебя, наверное, с головой не в порядке, я экологическую полицию вызову, я сама твою машину разобью! Ты что наделала?

– А что я наделала? – Маша в растерянности посмотрела под колеса автомобиля: вдруг она котенка или мышонка задавила.

– Цветок помяла, практически сломала! Если каждая дрянь будет во дворе цветы калечить... – Соседка взяла слишком высокую ноту, голос дал петуха, она закашлялась.

– Здесь нет никаких цветов, – воспользовалась паузой Маша. – Вы втыкаете какую-то ерунду, я сама видела. Перья, ветки, искусственные листья, бантики. Вот что вы тут выложили из булыжников и украсили банкой с перьями?

– Это икебана, – прохрипела соседка, и Маша вспомнила, что у нее странное, вычурное имя – Эстела.

– Пропустите меня, Эстела, – властно проговорила Маша и постаралась пройти, не задев скандалистку, которая и не подумала ее пропустить.

Маша быстро вошла в дом, еще быстрее проскочила в лифт, почти вбежала в квартиру. У этой Эстелы чудовищная аура или как там это называется. Когда она налетала на людей, многие потом жаловались, что им становится физически плохо. И у Маши сейчас остался тяжелый осадок от ее злобно-сверлящего взгляда, визгливого голоса, общего неопрятного, отталкивающего вида. Она успела снять туфли и переодеться в тапочки, как в дверь позвонили. Маша на автомате открыла, не посмотрев, как всегда, в глазок. Ну, конечно же, это Эстела, уже совсем растрепанная, красная, оттолкнула Машу и влетела в прихожую.

– Что вам нужно? – Маша вообще-то испугалась. Она только в непосредственной близости впервые заметила, какая Эстела крупная, жилистая, сильная тетка непонятного возраста.

– Мне нужно, чтоб ты совесть имела! Чтоб ты свое место знала. Обнаглела с этой своей машиной, мужиками, подружками-шлюхами...

– Не поняла, какие претензии? У меня слишком много знакомых? Я нарушаю Правила дорожного движения? Вам что-то конкретное известно о нравственном облике моих подруг?

– Мне все известно, чтоб ты знала. И многим известно. Тебя ненавидят, ненавидят, ненавидят... Одного мужа выгнала, другого привела. Только говорят, что этот любовник уже помер. Может, его убили? Не удивлюсь.

– Что вы несете? – Маша пришла в ужас.

– Очень рада, если убили. Сама бы прикончила такую, как ты. Если еще раз...

– Пошла вон, – тихо сказала Маша, и Эстела почему-то попятилась. – Пошла вон.

Она исчезла, Маша закрыла дверь, не чувствуя ни рук, ни ног, посмотрела на себя в зеркало: лицо белое, как у привидения. Она бессильно прислонилась к стене. Она ничего плохого не сделала этому человеку, но он ее так страшно, бешено ненавидит. Господи, на что же способны люди, если у них есть причина? А может, беспричинная ненависть и есть самая страшная?

Еще один плохой вечер. Еще одна мучительная ночь. Маша металась между тяжелыми воспоминаниями и не тешила себя иллюзиями, что на земле остался хоть один человек, который ее любит. Или хотя бы жалеет. Утром в усталом мозгу возник хрустальный голос поэтессы:

О одиночество, как твой характер крут!
Посверкивая циркулем железным,
как холодно ты замыкаешь круг,
не внемля увереньям бесполезным.

«В конце концов, одиночество – это не самое страшное, – сказала себе Маша. – Это чище, чем предательство и коварство». Почему это пришло ей в голову, бог весть. Никто ее, собственно, пока не предавал. Просто облаяла полубезум-

ная соседка. Нужно научиться ставить защиту. У гадалки, что ли, спросить, как это делается. Смешно. Именно гадалку Маша и собирается коварно подловить.

Глава 9

Виктор вошел в бухгалтерию: Валентины Петровны на месте не было, Катя увлеченно набивала какой-то текст на компьютере. Слишком увлеченно. Дураку понятно: это не платежная ведомость. Он встал за ее спиной и начал читать.

«Вот верите Митяй ништяк не даст соврать, он знает как меня клинит. Мужчина знакомый у меня умер, а его жена приехала ко мне с какой-то еще. Мне эта вторая вообще... ну, не по кайфу. Вся из себя то ли крашенная. Так типа извините, что мы спросили. Как я извеню? Если душа у меня болит...»

Катя оглянулась, увидела шефа, но мысленно перестроиться не смогла. На ее лице лежал отблеск страданий, о которых она решила поведать миру. Виктор вздохнул и молча вышел. У себя в кабинете он задумался: что с ней делать? И как ее уволить? Или пусть строчит свою безграмотную чушь на окладе? Он ни разу не застал ее за работой. Собственно, такая ли это чушь? Виктор вспомнил, как посылал ее в налоговую инспекцию с Алексеем, как она рвалась деньги отвезти Людмиле... Сейчас пишет, что у нее знакомый мужчина умер, ее «клинит», к ней приезжала его жена с кем-то. «Вся из себя то ли крашенная». Это ведь наверняка Маша. Таких ярких волос и он никогда не видел. Только натуральные рыжие волосы могут так вольно сиять и переливаться... Виктор уже два года в разводе. О семейной жизни помнит

лишь, что чувствовал себя, как здоровый человек в инвалидной коляске. Насильственная ограниченность жизни. И еще постоянная смена цвета волос жены. Она была и рыжей, и красной, и серебряной... И всегда одинаковой. Вот с таким новым жизненным опытом он и ушел от нее при первой возможности, теперь всегда отличит натуральный цвет волос от любой покраски. Маша. Она приезжала с Людмилой к Кате? Маша? Леша, чего ты такого напутал с этими женщинами под конец своей короткой жизни... Может, съездить к Людмиле, вызвать ее на разговор... Что-то не так во всем, что произошло и происходит. Виктор решительно набрал номер Лешинной жены.

– Привет, Люда. Ты еще дома? Ну, как вообще? Самочувствие, настроение...

– Здравствуй, Витя. Да, мне дали несколько дней. Остальные вопросы пропустим.

– Ты извини меня. Я почему звоню. В нашей столовой продукты хорошие остались после поминок. Они ведь куплены уже. Давай я тебе привезу?

– Буду благодарна. Мы из дома, если честно, вообще не выходили все это время. Мама Аньке готовит из того, что есть.

– Ой, я тогда Анечке фруктов еще куплю, мороженого, что она любит?

– Я уже и не знаю, – расстроено сказала Людмила. – Я со своей депрессией так плохо на всех действую, что Аня...

Она сидит, как и мы. Ничего не хочет. Как больной и усталый ребенок, – Люда всхлипнула.

– Не дело это, – нахмурился Виктор. – Я, конечно, в этом ничего не понимаю, но ребенок не должен сидеть, как больной и усталый. Я пойду с ней в кино.

– Хорошо, – сказала Людмила и положила трубку.

Виктор посидел, подумал, потом достал телефон, полистал адресную книгу. Он внес туда Машу после того, как привез ей конверт. Поколебался и вызвал.

– Да. – Голос у Маши был не самый бодрый.

– Добрый день. Вы меня, наверное, не помните. Это Виктор, друг Алексея, я привозил вам конверт в день похорон...

– Я помню. Слушаю вас.

– Да я, собственно, просто взял и позвонил. Подумал, как она там... Вы то есть.

– Seriously? Вам интересно, как я? – Маша была явно удивлена. – Даже не знаю, что ответить. По-всякому. Не так, чтобы здорово. А как у вас дела?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.